

*Патриция Окубо Афабле*¹

Очерки этнической истории Южной Кордильеры Северного Лусона: народ калангуя (Kalanguya)²

Статья представляет собой краткий очерк этнической истории южной части горного массива Центральная Кордильера (Cordillera Central) на севере острова Лусон. Языки, носители языков, образуемые ими социальные группы, а также общая проблема коммуникации между носителями разных языков рассматриваются преимущественно на основе устной истории и ар-

¹ Автор и ответственный редактор сборника благодарят Бернардиту Черчилль, президента Филиппинского национального исторического общества, за разрешение опубликовать эту статью, первый вариант которой был напечатан под названием «Notes for an Ethnohistory of the Southern Cordillera, Northern Luzon: A Focus on Kalanguya» в филиппинском издании (Journal of History, 2004. Vol. L (1–4). P. 152–174).

² Здесь и далее: диграф *ng*, в филиппинских языках обозначающий заднеязычное 'н' в [N], транслитерируется *ng*. Гортанная смычка обозначается апострофом (') во всех случаях, кроме специально оговоренного (см. сноску 6). Звук [w] передается буквой *y* в инициальной и срединной позиции и буквой *o* в финальной. При первом упоминании названия языка или народа в скобках приводится написание латиницей. Топонимы снабжены латинским написанием лишь в случае необходимости (*прим. переводчика*).

живных материалов. Изучение культурной истории и выделение этнических групп в регионе осложняется несколькими факторами. Уровень многоязычия чрезвычайно высок; носители одного и того же языка живут в разных административных районах; культурные, языковые и социальные границы обычно не совпадают. Кристаллизация социальных объединений в «этнические группы» — в основном результат решений американской администрации; в ряде случаев деление на «племена» установилось в конце испанского периода. Как и во многих других горных районах Филиппин, этническое самоопределение — в основном явление XX века. Рассматриваемый пример этнолингвистической группы калангья, которая заявила о себе в последние годы, иллюстрирует важность региональных коммуникативных контекстов для изучения локальной и этнической истории. Кроме того, он позволяет выделить взгляд изнутри и извне различных этнических групп, равно как и внешние связи различных регионов в пределах южной Кордильеры.

«Этническая история Северного Лусона» Феликса Кисинга [Keesing 1962], замечательная работа, в которой собраны сведения по истории этнических объединений и этнонимов в этом регионе, дала мне первое представление о сложностях, с которыми предстояло столкнуться в данном исследовании (подробнее об этом см.: [Afable 1989]). Труд Кисинга, основанный в первую очередь на испанских архивных документах, вдохновил Уильяма Г. Скотта на написание книги «Открытие игоротов», которая в наше время куда более известна [Scott 1974]. Прочитав работу Кисинга, я сразу же начала расспросы о тех народах и территориях Северного Лусона, которые не входили в пределы нарождающихся этнических границ, описанных Кисингом на конец XIX в., т.е. на последние годы испанского правления. Одна из таких областей, Кисингом лишь затронутых, — обширный горный участок между территориями, населенными ибалоями (Ibaloy) реки Агно (восточный Бенгет, Benguet) с одной стороны, и илоканцами (Ilocano) и исинаями (Isinay) реки Магат (крупный приток реки Кагаян, которая течет в равнинных областях восточного Лусона) — с другой. Здесь, на площади около 20 000 кв. км горной местности с крутыми склонами, где сходятся границы провинций Бенгет (Benguet), Ифугао и Нуэва

Бискайя (Nueva Vizcaya), земледелие было в основном подсечно-огневым, плотность населения низкой; поселения были невелики, сильно разбросаны и, как правило, не соединены дорогами.

В конце 1960-х годов попытки выяснить, почему этот район так плохо описан в литературе, привели меня на реку Агно. Я спрашивала прибрежных жителей, двигаясь вдоль той части ее русла, которая лежит в пределах провинции Бенгет. Меня интересовали сведения об их восточных соседях. Предшествующая работа (см.: [Afable 1975]) в районах провинции Бенгет, говорящих на языках ибалой и канканаэй (Канканаеу), мало подготовила меня к тому, что мне предстояло обнаружить. Жители истоков реки Агно вокруг Бугиаса (Bugias) показывали в горы на восток, называя тамошних жителей и их язык «калангуя» (“*Kalanguya*”) или «каланготан» (“*Kalangotan*”). Двигаясь вдоль реки на юг, я обнаружила, что местные жители используют термин «кадасан» (“*kadasan*”) для обозначения лиственных лесов, простирающихся на восток (от основы *’alas*, обобщающего названия лиственных деревьев, в противоположность соснам), а жителей этих лесов называют «икадасан» (“*Ikadasan*”)³. Многие ибалой реки Агно признавали свое этническое родство с соседями из восточных лесов: их называли «игудут» (“*Igudut*”) — вариант этнонима «игорот» (“*Igorot*”) — обобщающее название, которое они применяли и к себе самим, и к своим северным соседям, говорящим на языке канканаэй.

Для начала мне нужно было понять, сколько новых этнических групп я ищу — одну, две, три? Сколько там новых языков? Американские источники говорили о «племенах» в горных районах. Почему же не осталось никаких записей об этих обширных территориях между «племенами» и восточными равнинами? Я решила, что необходимо вернуться назад — проверить документальные источники, на которых основывался Кисинг, и в то же время идти вперед, с того места (и времени), где остановился Кисинг, и начать полевые исследования, чтобы найти сообщества и новые языки, о которых я услышала.

³ В слове “*Ikadasan*” (как и в словах “*Igudut*” и “*Igorot*”) первый слог ‘i-’ есть аффикс со значением «люди из» (прим. автора).

Этнолингвистическая картина. В Южной Кордильере Северного Лусона живут носители следующих языков: 1) ибалой, 2) калангуя (или каллахан, Kallahan), 3) и'ууак (I'uwak), 4) икарао (Ikaraw) и 5) канканаэй. Л.Рид отнес первые четыре языка к группе, которую он назвал «южнокордильерской». В эту большую группу входят также языки, более далекие от названных четырех — илонготский (Pongot), носители которого живут на востоке, и равнинный пангасинанский (Pangasinan) [Reid 1979; см. также www.ethnologue.com]. Эта классификация основана на общем словарном составе языков. Предполагается, что носители четырех упомянутых языков происходят от группы, говорившей на едином языке (лингвисты называют его прото-южнокордильерским) и когда-то жившей в одном месте.

Однако пятый язык, канканаэй, относится к другой языковой группе. Это центральнокордильерская группа [Reid 1979], на языках которой говорят северные соседи названных южнокордильерскоязычных народов. В центральнокордильерскую группу входят языки бонтоков (Bontoc), южных и северных канканаэй, ифугао (Ifugao), калинга (Kalinga), итнегов (Itneg), балангаов (Balangaw), а также один равнинный язык на востоке — исинайский (Isinay). Как и в предыдущем случае, предполагается, что все эти языки произошли от одного предкового языка и что отдельные языки возникли в результате миграций его носителей с древней прародины.

Почти на всем протяжении испанского периода термин «иглотес» (“Ygolotes”) или «игорротес» (“Igorrotetes”) был общим названием, которым обозначали все народы Центральной Кордильеры. Первые уточнения появились в записках экспедиции Гильермо Гальвея (Guillermo Galvey) в начале XIX в., послуживших основой этнологии северных народов Синибальдо де Маса [Sinibaldo de Mas 1843, 1975]. Из записок экспедиции Гальвея понятно, что в начале XIX в. термин «игорот» применялся в двух значениях: для обозначения всех горцев севера Лусона и для обозначения более узкой этнической группы южной Кордильеры, для которой термин «игорот» был эпонимом. Географическое расположение (от предгорий Пангасинана до верховьев реки Агно), язык и названия поселений второй, более узкой группы, подробно описанные в работе Маса, совпадают с территорией расселения, языком и топонимикой ибалоев. Народы южной

Кордильеры одними из первых приняли самоназвание «*игорот*» («*игодот*», «*игуллут*», «*игблот*» соответственно на языках ибадой, калангуя и канканаэй) (см. также [Afable 1998: 91]). Другой народ этого региона, ныне именуемый «южными канканаэй», в записках Гальвея-Маса назван «*бурик*» (“*Burik*”) [Mas 1975: 11; Scott 1974: 220]. Область его расселения — Каян (Kayan), Бакун (Bakun), Палина (Palina) и Банао (Banao), к западу от Кордильерского хребта.

Этот историографический экскурс важен хотя бы потому, что этнографическое описание Гальвея, в котором зафиксировано более узкое значение термина «*игорот*» в Южной Кордильере, позднейшей литературой не учитывается. Это относится, например, к такой значимой работе, как «Открытие игоротов» У.Г. Скотта [Scott 1974: 220 *infra*]. Скотт использует термин «игорот» только в широком смысле, т.е. для обозначения *всех* жителей гор северозападного Лусона, как это имело место в документах испанской администрации и ранних американских колониальных источниках. Скотт широко цитирует де Маса, приводит детальные описания расселения «игоротов» («собственно игоротов», территория расселения которых на севере ограничена верховьями реки Агно) и их языковых особенностей, однако употребления термина «игорот» в узком смысле у Скотта мы не найдем, поскольку оно противоречит его этнологической классификации.

Важно также иметь в виду, что классификация Гальвея создавалась с позиций илоканских равнин. Очевидно, что раннее самоопределение «игоротов» возникло в богатых районах западных предгорий, где взаимодействие горцев и не-горцев (европейцев, американцев и равнинных филиппинцев) было наиболее длительным, интенсивным и разнообразным. Скотт, труды которого сыграли огромную роль в развитии идеологии филиппинского национализма, много лет жил в Сагаде, Горная Провинция, где служил миссионером Епископальной церкви и учителем. Работы Скотта отражают точку зрения населения этих западных районов Кордильеры. В отличие от доминиканских записей с восточных равнин, августинские документы из северозападных прибрежных районов Лусона (их сводку см.: [Perez 1904]) дают представление о сложности и исторической важности этих взаимодействий.

Классификация кордильерских народов Гальвея (и де Маса) была впервые пересмотрена в конце XIX в. немецкими исследователями (см.: [Scott 1975]). Впоследствии Фердинанд Блюментритт, их научный корреспондент в Европе, обобщил собранные сведения [Blumentritt 1882]. В свою очередь, сделанный Масоном перевод работы Блюментритта «Список аборигенных племен Филиппин и языков, на которых они говорят» [Blumentritt 1901] стал основным источником первой классификации «диких народов», предпринятой правительством Соединенных Штатов в «Переписи Филиппин» 1903 г. [Census 1903]. Так как Отис Масон был куратором Национального Музея США, его перевод стал основой классификации филиппинских предметов в музеях США начала XX в.

В XX в. вплоть до 1970-х годов ибалои и канканаэй считались в литературе основными этнолингвистическими группами южной Кордильеры. Впервые их названия в форме «*инибалои*» (“Inibaloi”) и «*канканай*» (“Cancanau”) были опубликованы в атласе Писона и Франко, изданном приблизительно в 1895 г. [Pisón, Franco]. Для них был изобретен термин «бенгетаньос» (“Benguetaños”), т.е. народы, живущие в рамках геополитических границ Коммандансии Бенгет, новой военно-политической единицы (Commandancia Politico-Militar de Benguet). Предполагалось, что культурное деление совпадает с политическим; источники признавали возможным существование единой культуры с двумя разными языками. Слово «бенгет» («Benget»), ставшее в конце XIX в. политико-административным термином, — изначально местное название болотистого бассейна реки Балили в Ла Тринидад, где испанцы построили столицу в 1846 г.

Существование других южных языков и народов *у’ууак* (“I’uwak”), *икарао* (“Ikarao”), а также *калангуя* (“Kalanguya”) или *каллахан* (“Kallahan”) было признано только в XX в. Основные изменения можно видеть на карте, подготовленной Фоксом и Флори [Fox, Flory 1974]. В классификации Байера [Beyer 1917], которую он сделал для второй филиппинской переписи, присутствует группа «*и-уаак*» (I-waak) — надо полагать, что это *у’ууак* (I’uwak), — однако из переписи она впоследствии исчезла. Ууак — местное название водораздела реки Амбаяуан (Ambayawan) к востоку от реки Агно и к западу от реки Магат.

Эта территория, по-видимому, входила в состав прародины *и'ууак*⁴. *И'ууак* — небольшая (численностью около 4000) группа подсечно-огневых земледельцев, территория расселения которых в наше время простирается на юг до границы провинций Нуэва Бискайя и Нуэва Эсиха. Сто лет назад они жили в самых северных районах реки Агно, их поселения вдоль рек Амбайауан и Санта Крус (Santa Cruz) возникли значительно раньше, чем здесь появились носители языков калангуя и ибалой. *И'ууак*, вероятно, были в родстве с другими небольшими этническими группами, о которых упоминают архивные источники XVIII в. [Scott 1974, Afable 1989]: «бумангиэс» (“Bumanguies”), то есть *ибуманги* (*Ibumangi*), «алагэтэс» (“Alaguetes”), то есть *иаллагут* (*Iallagut*), «ипутуэс» (“Iputuyes”), то есть *ипутуй* (*Iputuy*), и «пануйпуэс» (“Panuyuyes”), то есть *ипануйпуй* (*Ipanuyuy*). Первый очерк этнографии *и'ууак* был опубликован в 1977 г. [Peralta 1977]⁵.

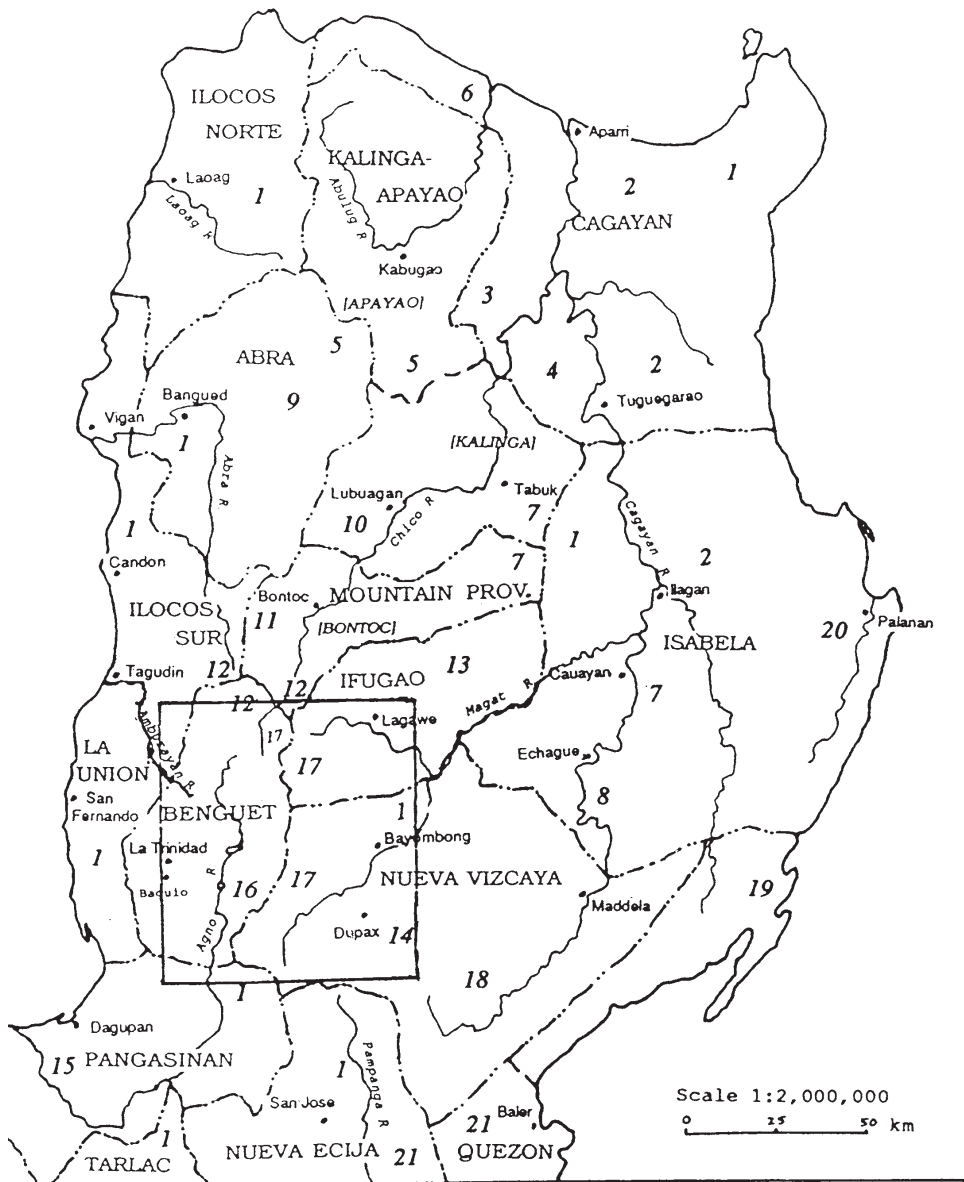
Карао (Karao) — название поселения (и его жителей) на восточном притоке реки Агно в муниципалитете Бокод. Карао — отдельный язык, хотя и близкородственный языку ибалой [Brainard 1994]. Ритуальная культура икарао характеризуется рядом особенностей [Claerhoudt 1966, Atos 1982], которые свидетельствуют о том, что их ранняя история культуры и расселения не была непосредственно связана с ибалоями реки Агно. Икарао часто рассматривают как часть группы ибалоев, поскольку число смешанных браков между жителями Карао и ибалоями реки Агно в последние десятилетия очень велико.

⁴ На многих северных языках *ууак* (“*uwak*”) обозначает ворону (лат. *Corvus*). Однако в языках западной части провинции Нуэва Бискайя корень этого значения не имеет и не является этимологически источником топонима или этнонима. К востоку от реки Агно эта черная птица обозначается термином *гаууанг* (*gawwang*). Для населения реки Агно жители региона Ууак — *ибай'анган* (Ibay'angan) — «люди востока/солнечного восхода», еще один этноним (*прим. автора*).

⁵ См. также: Peralta, Jesus T. I'wak. Alternative strategies for Subsistence: A Micro-economic study. The I'wak of Boyasayas, Nueva Vizcaya, Philippines // Anthropological Papers. No 11. National Museum. Manila, Philippines 1982. P. 140 (*прим. переводчика*).

Наконец, язык калангуя, которому посвящена эта статья. С точки зрения социолингвистики калангуя представляет наибольшую сложность из всех южнокордильерских языков. По сравнению с последними, калангуя представлен наибольшим числом носителей, которые живут в нескольких близлежащих провинциях на обширной территории, характеризующейся труднодоступностью и изолированностью поселений в условиях горного рельефа. Эта этнолингвистическая общность начинает упоминаться в литературе с 1970-х годов под названием «каллахан» или «икалахан», характерном в основном для южных областей распространения языка калангуя. Этому предшествовала полевая работа, которую начали в конце 1960-х годов Афабле и Делберт Райс — первая в районе Каяпы на реке Амбаяван (Ambayawan), второй — южнее, в Имугане (Imugan) [Afbale 1971; Afbale 1989; Rice 1974] (позднее вопрос о том, какое «племенное название» предпочтительно, рассматривался в: [Resurreccion 2000]). Для того чтобы понять всю сложность политических и культурных взаимодействий, в которых нам предстоит разобраться, посмотрим на географическое положение Южной Кордильеры в целом и «прародин Тинек» (см. карту 1).

«Прародина Тинек» (Tinek). Описывая путешествия своих предков в этих высокогорных районах, народы южной Кордильеры традиционно говорят о том, по руслу каких рек они шли и через какие перевалы перебирались, чтобы дойти от одной речной системы до другой. В южной части Центральной Кордильеры их несколько. На западе — две реки, Амбураян (Amburayan) и Нагилиан (Naguilian); на востоке — река Агно и ее основной приток Амбаяуан; на севере — реки Ахин-Ибулао, Ламут и Матуну. Многие народы, населяющие эти речные системы, утверждают, что их предки жили в верховьях этих рек, в высокогорном районе, который вскоре после прихода американцев был поделен между провинциями Ифугао, Бенгет и Горной. В этом же районе берет начало река Абра, которая течет на запад, в провинцию Илокос Сур, и река Чико, которая пересекает Кордильеру в северном направлении, прежде чем впасть в реку Кагаян. Главный ориентир — гора Пулог, высшая точка на Лусоне. В районе этого водораздела, где когда-то располагалось большое озеро на горе Дата, берут начало многие круп-

— — — Provincial boundary
 - - - Subprovincial boundary

BENGUET Province

[BONTOC] Old subprovince name.

Mountain Province (pre-1966)

[Languages]

1 Ilokano	11 Bontok
2 Ibanag	12 Kankanaey
3 Malaweg	13 Ifugao
4 Itawis	14 Isinay
5 Isneg	15 Pangasinan
6 Atta	16 Ibaluy
7 Gaddang	17 Kallahan
8 Yogad	18 Ilongot
9 Tinguian	19 Dumagat
10 Kalinga	20 Agta
	21 Tagalog

нейшие реки северо-западного Лусона. Для коренных народов южной Кордильеры этот водораздел особенно важен как исторически, так и символически. Недаром в 1960-е годы многие носители языков канканаэй, ибалой, калангуя, ифугао, исинай и икарао, рассказывая свои генеалогии, связывали их с этой прародиной.

Место это как в локальной истории, так и в ритуале известно под именем Тинек. Сейчас так называется поселение в верховьях реки Матуну (большого притока реки Магат, которая впадает в Кагаян) на юго-западе провинции Ифугао. Не так давно администрация провинции назвала этим именем (другой употребительный вариант — Тинок, *Tinoc*) муниципалитет, в котором находится это поселение. Тем не менее для многих народов, живущих вне провинции Ифугао, далеко от этой прародины, Тинек — обобщенное название ритуальной и едва ли не мифологической области далеко на севере, о которой известно только из генеалогий и рассказов стариков.

Исход из области Тинек был обусловлен многими причинами, однако рассказов о крупной миграции не сохранилось. В конце XIX в. и в начале XX в. важнейшими причинами, вызывавшими передвижения населения, были эпидемии холеры и оспы и нашествия саранчи. Если в деревне умирало много людей, поселение оставляли. Старики рассказывали о разбойниках и работорговцах: лихие люди врывались в деревню, грабили дома, уводили скот и людей, особенно детей, которых продавали в рабство на равнины или на западные копи. Этих разбойников звали *бухул* (*buhul*) — «враги». Отсюда термин *бусолес* (*Busoles*), который мы встречаем в испанских и американских отчетах, где они выступают в функции этнонима для населения верховьев реки Агно. Другими «врагами» в конце XIX в. были *кахтил* (“*Kahtil*”)⁶ — испанцы. В последние десятилетия XIX в. они держали гарнизон в Лоо (Loo), в верховьях реки Агно. Многие жители этих мест покидали свои деревни из страха, что их отправят на строительство дорог или на другие государственные работы.

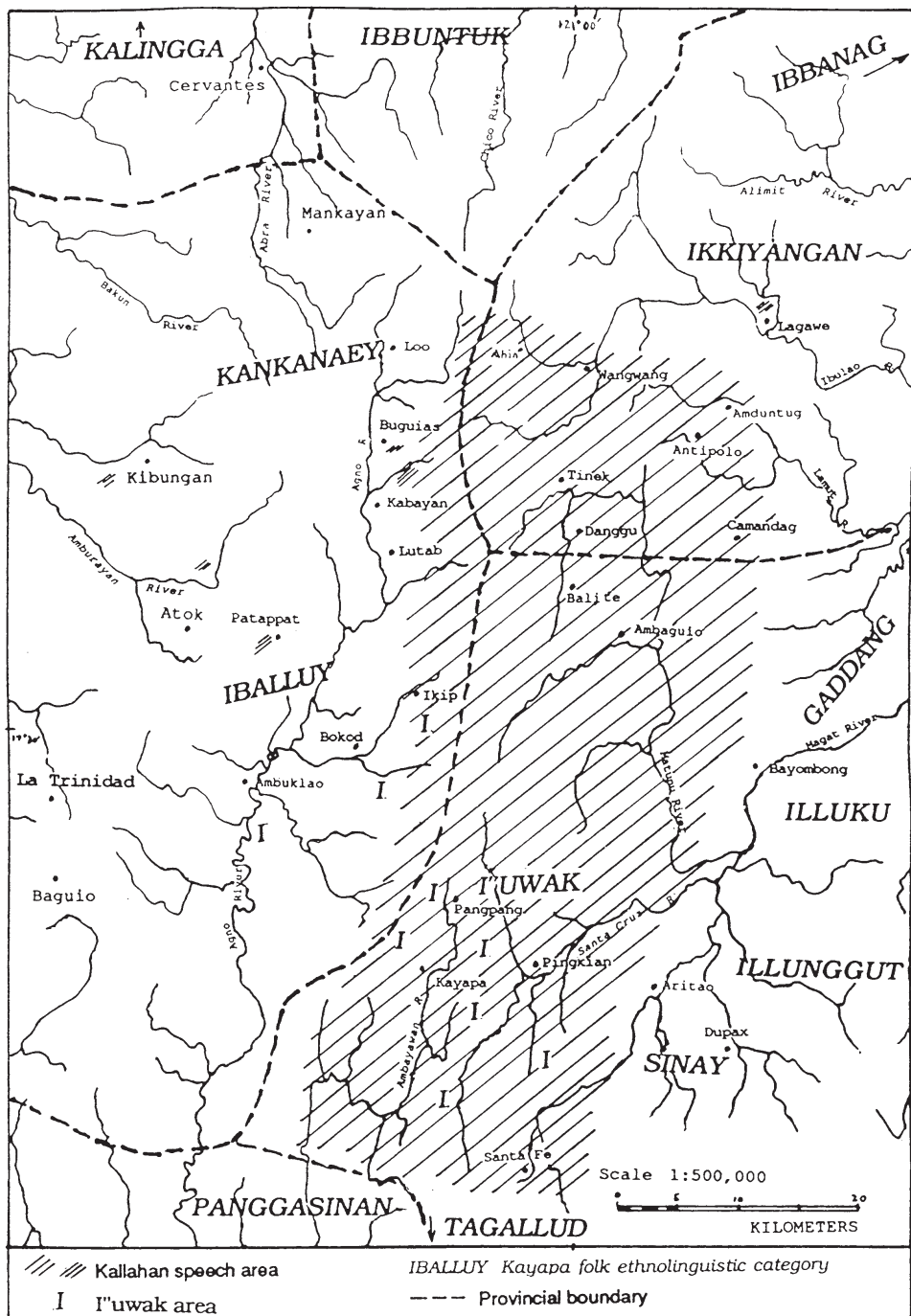
Другие переселялись на юг просто в поисках земли для расчисток или для торговли на реке Агно. Мифологический рас-

⁶ От исп. *Kastila* — кастилец, испанец (*прим. переводчика*).

сказ часто начинается с описания уксорилокального брака: человек заблудился во время охоты, приходит в новую деревню, пьет рисовое вино и женится на женщине, у которой его купил. Такой зачин типичен для генеалогических рассказов южной Кордильеры, звучащих на многочисленных здешних языках: мужчина-чужак, часто охотник с севера, женится на местной женщине и приносит с собой новые умения — искусство строительства стен из камня, новые сорта риса, кузнечное или медное дело. В провинции Бенгет эти рассказы объединяют генеалогии верховьев рек Абра и Агно. Дальше на восток аналогичные рассказы соединяют генеалогии южной части Ифугао с генеалогиями жителей поселений на реке Матуну.

Языковая область калангуя: зона многоязычия. Язык калангуя можно описать как континуум близкородственных диалектов, распределение которых в южной Кордильере в целом соответствует направлениям миграций с прародины в Тинеке. Географические границы распространения языка калангуя следующие (см. карту 2). На восток: самые восточные калангуяговорящие поселения расположены по реке Матуну в пров. Нуэва Бискайя, там, где широкая полоса предгорий отделяет население севера муниципалитета Каяпа от равнин восточного Лусона, где живут носители илоканского и исинайского языков. На север: самые северные носители языка калангуя живут на юге пров. Ифугао в верховьях рек Ахин, Ламут, Матуну, см. [Conklin 1980, Plate 5]. На юг: самые южные живут в пров. Нуэва Эсиха и Пангасинан. Западные носители языка калангуя живут на одной территории с ибалоями в верховьях рек Агно и Амбаяван. После второй мировой войны носители языка калангуя участвовали в миграции жителей бассейна реки Агно в районы к востоку от рек Магат и Кагаян в пров. Исабела, Нуэва Бискайя и Нуэва Эсиха.

Весь этот языковой ареал, как и вся южная Кордильера, характеризуется многоязычием. В области Каяпа на юго-западе пров. Нуэва Бискайя большинство взрослых говорит не только на калангуя, но и на ибалой, и'ууак, илоканском и тагальском, в разной степени владея всеми этими языками. Те, кто закончил хотя бы начальную школу, говорит еще и по-английски, а работавшие на севере — и на языке канканаэй. Старики в 1960-е гг. понимали и исинайский язык, который, вне сомне-

Карта 2. Область распространения языка каллахан

ния, выполнял функцию лингва франка в общении поколения их родителей с жителями восточных равнин. Именно поэтому, вероятно, в переписи 1903 г. так много горных поселений на западе пров. Нуэва Бискайя обозначены как «исинайские» [Census 1903]. Илоканский, равнинный язык, на котором чаще всего говорят в северных горных районах, на восточном Лусоне не получил распространения до 1920х гг, несмотря на то, что в конце XIX в. испанское правительство выделяло средства для переселения илоканцев на местные табачные плантации.

Этому уровню многоязычия соответствует культурная ориентация на изучение и понимание разных языков. В пограничных районах часто можно услышать разговор на двух языках одновременно. Скажем, в селении Капанган или Аток в провинции Бенгет ибалой может начать разговор на своем языке, получить ответ на канканаэй от своего собеседника-канканаэй, и беседа продолжится таким же образом, каждый на своем языке. В некоторых поселениях в верховьях реки Агно в разговоре между несколькими собеседниками можно услышать речь на канканаэй, ибалой и калангуя — особенно на больших празднествах, на которые собираются носители разных языков.

Перед нами ситуация, которую лингвисты называют «дуаллингвализм» (“dual-lingualism”) [Lincoln 1979], в основе которой — высокий уровень пассивного билингвизма: носители разных языков знают достаточно много слов на «чужих» языках и владеют грамматическими представлениями, позволяющими им пользоваться этой лексикой и взаимно понимать друг друга. Успех обеспечивается именно тем, что в пределах большого ареала население, состоящее из разных этнических групп, разделяет общую культурную установку на освоение коммуникативных средств друг друга. Это позитивная адаптация, сложившаяся в условиях длинной истории миграций, требовавшей свободного общения через лингвистические, культурные и «этнические» границы. В число названных коммуникативных действий я включаю не только речь, но и различные формы вербального искусства, в том числе импровизацию песенной поэзии [Afable 2000], рецитацию эпических сказаний и многие другие жанры устной литературы.

Говоры северных калангуя и граница с ифугао. Самая северная зона распространения языка калангуя — юг провинции Ифу-

гао, к югу и юго-западу от больших поселений Кианган и Лагавэ (см. области, помеченные “К” в Этнографическом атласе ифугао Г.Конклина [Conklin 1980, Plate 5]). Первая группа диалектов калангуя принадлежит населению юго-запада Ифугао в верховьях рек Ахин и Матуну, в первую очередь в муниципалитете Тинек. С точки зрения лингвистики и генеалогии они находятся в ближайшем родстве с диалектом калангуя севера пров. Бенгет, а именно муниципалитетов Бугиас, Кабаян и Аток.

Диалекты второй группы, на которых говорит более 5 000 человек, получили несколько общих названий — антиполо ифугао (Antipolo Ifugao), келей-и (Keley-i), или келей’и’ ифугао (Keleyiq Ifugao)⁷. Эти названия были присвоены им сотрудниками Летнего Института Лингвистики, которым принадлежит большинство описаний языков и переводов Священного Писания на языки этого региона (например [Ya Ehel 1973]; см также [www.ethnologue.com]).⁸ В эту группу ими были включены диалекты района Амдунтуг, имеющие местные названия *ханглулу* (“Hanglulu”), *ханглулао* (“Hanglulaw”) или *яттука* (“Yattuka”). Тех, кто говорит на диалекте асипулу (аттипулу, антиполо), называют *каманкелей* — «те, кто говорит *keley*», от слова *keley* — «почему».

Использование термина «антиполо ифугао» как названия языка восходит к 1950м годам. Термин отражает административное деление и тот факт, что носители этого языка много поколений жили в провинции Ифугао. Помимо калангуя, своего первого языка, они полностью владеют более социально престижными диалектами лагавэ и кианган языка ифугао, равно как и диалектом аянган, на котором говорят переселенцы с реки Алимит. В муниципалитете Кианган южан, говорящих на диалектах калангуя, ифугао называют “*имака’ио*” (“*Imaka’iw*”),

⁷ q здесь обозначает гортанную смычку — прим. переводчика

⁸ Данный сайт Летнего Института Лингвистики, SIL (известного также как Wicliffe Translators) является лучшим источником по языкам не только этого региона и Филиппин (где SIL работает уже 55 лет), но и всего мира. В описываемом районе пров. Ифугао работали члены SIL Дик и Лу Хохулин. Им, в первую очередь Лу, принадлежат, помимо переводов Библии, многочисленные работы по лингвистике и словари (прим. переводчика).

«лесные жители» — вспомним название «икадасан», которым обозначают своих соседей ибалои. Стереотипные представления о калангуя как о лесных жителях, живущих в изоляции, существуют издавна, и преодолеть их нелегко, несмотря на то, что многие поколения калангуя возделывают заливной рис.

В 1920-х гг. Рой Франклин Бартон [Barton 1946:184] упоминал еще один диалект калангуя, называя его «секретным языком» Лагавэ. Ламбрехт [Lambrecht 1967:323] описывает этот диалект подробнее, однако ошибочно принимает его за разновидность языка исинай. Жители этих мест называют этот диалект «мунгелло» (“Munnghello”) или «ханглулу» (“Hanglulu”); эти названия встречаются и в литературе с начала XX в. Это маленький островок иного языка в море окружающей его языковой стихии кианган ифугао сейчас, по-видимому, представлен считанными носителями. Однако он важен для нас потому, что это ритуальный язык худождов — эпических сказаний юга провинции Ифугао и других ритуальных текстов (см. записи примеров таких текстов в [Lambrecht 1967]), так как ханглулу был первым языком некоторых выдающихся ритуальных специалистов Лагавэ и Киангана. Все сказители, исполняющие этот жанр, происходят из региона Лагавэ-Кианган-Асипуло и владеют этим диалектом⁹. Алим, еще один крупный повествовательный жанр из этого региона, также был записан на диалекте калангуя, однако ныне он почти исчез.

Лурдес Дулаван, которой принадлежит ключевая роль в записи худождов¹⁰, насчитывает несколько сказительниц среди своих предков — все они говорили на ханглулу с детства, помимо того, что свободно говорили на кианганском диалекте ифугао. Недавно ЮНЕСКО признала художуды выдающимся явлением филиппинского устного творчества. В связи с этим небезинтересно заметить, что значительная часть словаря этих длинных эпических поэм, которые исполняются на территории, населенной ифугао, и много способствуют славе ифугаоской культуры и кианганского диалекта языка ифугао, происходит

⁹ Мои данные показывают, что не все. — прим. переводчика.

¹⁰ О роли Лурдес Дулаван см.: Станюкович М.В. Корпус текстов по эпике ифугао // Маклаевские чтения 2006 г, Издательство МАЭ РАН, с. 174–181 (прим. переводчика).

из диалекта, который с точки зрения лингвистики не принадлежит ифугао.

Западная граница, отделяющая калангуя от канканаев и ибалоев. Северо-западный рубеж распространения языка калангуя находится в верховьях реки Ахин, где носители этого языка взаимодействуют с говорящими на языках *канканай* и *иболой*. Этот рубеж начинается от Бугиаса (Buguias), около 90-го километра по шоссе Алсема (Halsema) и идет на юг до муниципалитета Аток. Многие поколения названных народов были связаны торговыми и ритуальными отношениями. Все жители данного района трилингвы: они владеют языками канканаэй, ибалой и калангуя. Диалект калангуя, известный под названием *мандек-эй* (“Mandek-ey”), прежде был распространен в Бугиасе гораздо шире [Lewis 1992:13]. Заметим, что это родина Апо Анно, мумифицированные останки которого до недавнего времени хранились в Национальном Музее, где их недавно обнаружили его потомки (имя Апо Анно упоминалось в соответствующих музейных документах). Возвращение останков Анно сопровождалось грандиозными празднествами, в ходе которых ритуальные обращения к богам и духам звучали на трех языках, поскольку в числе потомков Анно есть представители всех трех языковых сообществ. Именно здесь, на северо-западе, возникли названия калангуя (*Kalanguya*) и каланготан (*Kalangotan*) — так носители языка канканаэй называли язык своих восточных соседей.

В XIX в. и ранее эта зона распространения языка калангуя была тесно связана с районом Суйок-Манкайан (Suyc-Mankayan), расположенном на другой стороне хребта Кордильеры. Манкайан, густонаселенный богатый регион в верховьях реки Абра, где говорили на языке канканаэй, был преддверьем илоканских равнин. Через него проходил важнейший торговый путь с западных равнин, далее разветвлявшийся у горы Дата на восточный, который вел в центральные и южные районы Ифугао, и северный — в Бонток и Калингу. Торговый путь соединяли Центральную Кордильеру (золотые копи Суйока, медные копи Манкайана и торговый город Сервантес) с крупными городами западного побережья Лусона: Тагудином (Tagudin), Кандоном (Candon), Нагилианом (Naguilian). По этому пути в Кордильеру попадали иностранные товары, ставшие для кордильерских культур знаковыми престижными

объектами: бусы, фарфор и фаянс, железо, латунь, бронза, раковины, а также ткани илоканского производства.

Район Лоо-Бугиаса (Loo-Buguias) в верховьях Агно был средоточием торговли на востоке. В наше время здесь в основном говорят на языке канканаэй, однако сто лет назад доминировали языки ибалой и мандек-эй. Бугиасские кузнецы и медники были лучшими в регионе; именно они делали железные орудия и большие медные чаны (*gambang*), необходимые всей южной Кордильере для больших празднеств. В начале американского периода в Багио очень ценились сельскохозяйственные орудия, изготовленные бугиасскими кузнецами. Кроме этого, существовала оживленная торговля свиньями: из области вокруг Тинека, населенной калангуя, свиней продавали горнякам Суйока и Манкайана. Скот из городов, расположенных восточнее, проходил через руки купцов Бугиаса и Лоо, прежде чем попасть на юг, в населенные ибалоями регионы Кабайана (Kabayan) и Адаоайа (Adaoay) [Lewis 1992]. В XIX в. этот район также служил центром кордильерской работорговли: рабы поступали в первую очередь из Ифугао. Масштабы торговли с Манкайаном объясняют, почему многие из тех, кто живет на западе от кордильерского хребта, говорят, что их предки происходят из Тинека, несмотря на то, что сегодня они говорят на языке канканаэй.

Множество зажиточных жителей и обилие скота также объясняет, почему в этом районе водораздела Агно обосновались самые лихие разбойники в истории Кордильеры, промышленявшие в том числе и кражей скота. Кроме того, в конце XIX в. небольшие милленаристские движения, зародившиеся на западе, проходили через Лоо и Бугиас, прежде чем осесть ниже по течению Агно, там, куда из Пагасинана — в этом случае вверх по течению — дошло влияние Гвардии де Онор¹¹. Похожие религиозные движения описаны и для местностей на востоке, вплоть до водо-

¹¹ Полное название *Guardia de Honor de Nuestra Señora del Santa Rosario* или *Guardia de Honor de Maria*. Первоначально — созданная доминиканцами католическая организация для мирян, борováшая за чистоту веры. Впоследствии превратилась в мощное народное религиозное движение, сыгравшее значительную роль в антииспанских выступлениях на Лусоне (*прим. переводчика*).

раздела реки Амбайаван (Ambayawan), который в начале американского периода был частью Бенгета. Губернатор Бенгета Уильям Пак (William Pack) в первые свои поездки на запад провинции Нуэва Бискайя посещал именно эти места, где еще в начале 1970-х его помнили под именем «Аро Gobinarol Apak».

Богатый водными ресурсами регион Лоо-Бугиаса очень важен для истории сельского хозяйства. Опытные строители каменных стен для террасированных полей из Ифугао и верховьев реки Чико принесли сюда технологию заливного рисосеяния. Рисовые поля южной Кордильеры к югу от этого региона были построены в основном в последние десятилетия XIX в. и в первые десятилетия XX-го. На всем пространстве Бенгета строительство террасированных полей и в целом технология поливного рисосеяния обеспечивалась золотом: на реке Агно бонтокским или ифугаоским строителям рисовых террас часто платили скотом или дорогами тканями, выменянными на близлежащих равнинах на золото.

Необходимо отметить также, что высокие крутые северные горы на границе Бенгета, Ифугао и Нуэвы Бискайи, которые были убежищем для людей вне закона и работоторговцев в XIX в., сохраняли свое назначение до недавнего времени. Эти горы видели отступление войск генерала Ямашиты из Багио в 1945 г., а в 1970-1980-е были объявлены территорией New Peoples' Army¹².

Западные границы говоров калангуя и языка ибалой. Носители языка калангуя с реки Амбайаван, притока реки Агно в пров. Нуэва Бискайя, возводят свое происхождение к предкам, жившим на реке Агно. Здесь на протяжении многих поколений носители языка ибалой вступали в браки, торговали, участвовали в совместных обрядовых празднествах с говорящими на калангуя. Вплоть до 1970х гг. на крупные престижные празднества, устраиваемые сообществами на реке Амбайаван, обыч-

¹² Левая террористическая организация, сформировавшаяся на основе Хукбалахап — антияпонской партизанской организации времен второй мировой войны. В период диктатуры Ф. Маркоса была прибежищем разнородных антиправительственных сил и в ряде случаев защищала интересы горных народов Кордильеры (*прим. переводчика*).

но приглашали родственников с реки Агно. Ибалойи реки Агно, живущие на юго-западной границе с калангуя, называли носителей этого языка «икадасан» (Ikadasan) — «лесные люди». Отсюда происходит этноним «каллахан» (Kallahan) или «калахан» (Kalahan), который появился на карте Фокса и Флори [Fox, Flory 1974].

Поселение в Каяпе на реке Амбайауан — одно из звеньев, соединяющих калангуя с ибалоями верховьев реки Агно. Оно было основано в начале двадцатого века небольшой группой выдающихся семейств из района Кабайан-Лоо, которые поселились на удобном небольшом уступе над рекой, известном здесь под именем Куартиль (Kuwartil), и возделывали рис на близлежащей равнине — Кумбинту (Kumbintu). Оба топонима связаны с испанским прошлым Каяпы, основанной в 1891 г. и недолго просуществовавшей Командансией Каяпы¹³. Первое название происходит от испанского *cuartel* — «гарнизон», на месте которого было основано поселение, второе — от исп. *convento* — «церковь», которая была здесь построена в начале 1890-х гг. Камни, когда-то использованные для строительства казармы, пошли на строительство каменных стен в деревне. Живущие здесь семейства образовали небольшой анклав, в котором ритуалы верховьев реки Агно просуществовали до 1960-х гг., сохраняясь на протяжении многих поколений после переселения из престижного региона Лоо-Кабайан. Видный ритуальный специалист Покдах, он же Покшас (Pokdah/Pokshas) из Кабайана, который диктовал ибалойские ритуальные тексты ранним американским исследователям региона, сопровождал эту миграцию [Moss 1920].

Связи иного рода с ибалоями возникли в начале XX в., когда американское правительство начало строить в Багио летнюю столицу Филиппин и курорт. Некоторые скотоводы Бенгета, имевшие старые связи с народом и'ууак (I'uwak) реки Амбайауан, перегнали свой скот на восток, поскольку американ-

¹³ Один из трех военных округов (Comandancia Politico-Militar) — Amburayan, Arayaos, Saуара — основанных в Кордильере последние, в самом конце испанского правления. Как и остальные кордильерские командансии, просуществовал до 1898 [Scott 1974:4] (*прим. переводчика*).

ское правительство забрало их земли для строительства города Багио. И'ууак и другие калангуя-язычные группы, появившиеся здесь позже, заключили скотоводческие соглашения с западными ибалоями. Выпасая их стада в более низменных долинах Амбурайана, где было достаточно воды, но была и малярия, они обзавелись собственными небольшими стадами. Более широко-масштабное возделывание риса на речных системах южнокалангуяского ареала началось только в 1920-е годы, после того, как скот очистил речные долины от высокой травы. На маленьких заливных полях в долине Каяпы, которые наблюдали американские служащие в начале XX века [Barrows 1901–1908], возделывали таро местные и'ууак, которые появились в этих краях задолго до введения рисоводства и появления здесь поселенцев — калангуя и ибалоев.

Южные границы распространения языка калангуя. С 1950-х гг. границы распространения языка калангуя постоянно менялись. Десять поколений назад носители калангуя добрались до региона Имуган-Санта Фе около перевала Карабальо. Вот как далеко на юг продвинулись переселенцы из Тинека в ходе миграции, начавшейся в конце XIX в. После Второй мировой войны сотни людей эмигрировали из зоны калангуя в области подсечно-огневого земледелия севера провинций Нуэва Эсиха и Кесон, где возделывают суходольный рис. Носители языка калангуя живут в предгорьях Пангасинана и золотоносных районах к востоку от Бамбанга в Нуэва Бискайе. По моей оценке общее число носителей языка составляет сегодня около ста тысяч.

Формирование племенной организации калангуя. Это предельно краткое описание того, что нам известно о лингвистических границах и ареалах, дает представление о контексте, в котором воспринимались или определялись идентичность и этничность в южной Кордильере. Я стремилась показать, что истории культуры различных народов этого географического ареала столь тесно переплетены между собой, что невозможно составить сколько-нибудь полное представление об ибалоях, канканаэй, калангуя, и'ууак, икарао, не беря в расчет, во-первых, их общие судьбы в период испанской и американской колонизации, и во-вторых, их культурные и социальные связи между собой и с соседними народами.

В конце 1960-х гг, когда я начала изучать границы распространения языка и культуры каллаханов (как я их в то время называла), единого «племени калангуя (или каллахан)» или «этнической группы калангуя (или каллахан)» еще, строго говоря, не существовало. Выделив все сообщества в южной Кордильере, где первым языком был калангуя/каллахан, я очертила границы лингвистического ареала калангуя/каллахан — однако это вовсе не означало, что люди, живущие в пределах этого ареала, осознавали свое единство или этническую идентичность как калангуя/каллахан. Не существовало коллективного представления о «народе калангуя/каллахан», которое бы соответствовало тому географическому ареалу, который я нанесла на карту по лингвистическим принципам. Если не считать языка, не было набора особенностей культуры, которые старики связывали бы с происхождением из Тинека. В любом случае было ясно, что выделение черт культуры, определяющих культурную идентичность, может быть только произвольным. Носители калангуя жили в нескольких разных провинциях, а потому никогда не имели никакого политического объединения на государственном уровне, которое могло бы выработать сознание принадлежности к одной группе, более широкой, чем поселение, группа поселений или муниципалитет. Более того, внутри каждой провинции носители калангуя были всего лишь мало значимыми меньшинствами, часто отождествлявшими себя с доминирующим населением своей провинции — ибалоями, канканаэй, ифугао или илоканцами.

В 1980-е гг. в Багио выходцы из северного Бенгета и юга Ифугао, носители языка калангуя, получившие высшее образование, стали встречаться и обсуждать свою общую идентичность. Рональд Косалан, юрист ибалоийского происхождения, который обнаружил свои калангуйские корни, возглавил Кабинет национальных культурных меньшинств (Office of National Cultural Minorities: ONCC). Благодаря деятельности этой организации в разных провинциях носители калангуя приняли участие в дискуссии о создании «племени калангуя», в результате чего в 1994 г. в Лоо, пр. Бенгет, был созван первый Племенной конгресс калангуя (Kalanguya Tribal Congress). Пятьсот человек из провинций Бенгет, Ифугао, Нуэва Бискайя, Нуэва Эсиха и Пангасинан собрались на двухдневное празднество, во время кото-

рого было забито множество свиней. Носители разных диалектов калангуя впервые официально установили свою принадлежность к более широкому этническому образованию. С тех пор состоялось еще четыре конгресса, число участников каждого приближалось к тысяче. Конгрессы проходили в тех районах пр. Ифугао и Нуэва Бискайя, где живет много носителей языка калангуя. Следует отметить, что носители языка «антиполо ифугао», он же «келей-и», язык которых родственен калангуя, не проявили особого интереса к новой «племенной организации», считая себя как в культурном, так и в политическом отношении не частью «народа калангуя», а частью ифугао.

На первом конгрессе члены племени калангуя провозгласили, что все они происходят с общей прародины Ахин (Ahin) и Тукукан (Tucusan) в муниципалитете Тинек провинции Ифугао; они отличаются от народов, рядом с которыми сейчас живут, и имеют собственную историю языка и миграций. Выбор для языка и этнической общности названия «калангуя», а не «каллахан» явно свидетельствует о том, что доминирующую роль в организации как в политическом, так и демографическом отношении занимают северные носители калангуя. Не удивительно, что формальное основание «племени» калангуя совпало с началом переговоров коренных народов севера Лусона с национальным правительством по поводу своих прав на земли предков. В отличие от большинства этнических образований Кордильеры, исходной точкой развития которых было административное деление начала американского периода, новая этническая группа калангуя формировалась «изнутри» — путем осознания своей идентичности, общих задач, связанных с землей, разработкой природных ресурсов и политической автономией. Обстоятельства возникновения калангуя подтверждают, что национальная политика на государственном уровне представляет собой один из наиболее значимых факторов в подъеме этнического самосознания.

Во время конгресса 1997 г. основатели «племени» настаивали на создании провинции Калангуя с тем, чтобы «сохранить свою культурную идентичность и исчезающие лесные угодья в своем регионе». В тот же год через ОНСС (Кабинет национальных культурных меньшинств) в национальное правительство была послана петиция о выдаче сертификата на земли пред-

ков (Certificate of Ancestral Domain) на все территории, занимаемые носителями языка калангуя со Второй мировой войны. В заявке перечислены 14 муниципалитетов в пров. Бенгет, Ифугао, Нуэва Бискайя, Нуэва Эсиха, Пангасинан и в городе Багио; заявленная численность «консервативных» калангуя составляет 500 000 человек [Kalanguyas Plan 1997]. Для создания территориальной базы своего «племени» создатели плана призывали к сотрудничеству официальных лиц в провинциях, которые, вполне предсказуемо, не поддержали идею передела границ провинций. Кроме того, изменение административных границ потребовало бы значительных финансовых затрат. Еще раз подчеркнем, что территория, населенная калангуя, лежит в административных пределах разных провинций, что является почти непреодолимым препятствием для осуществления культурно-политических планов новой племенной организации.

При определении «этнических групп» и «племен» государственные средства информации не только говорят о территории и языке, но и делают акцент на исконной культурной идентичности. Основатели «племени» используют эти критерии, требуя для калангуя места на этнолингвистической карте страны. «Этнические» или «племенные» истории, кто бы их ни создавал — чужаки или основатели данной группы — базируются на отстаивании культурных отличий и выраженных границ. В англоязычных дебатах политических лидеров калангуя, среди которых много юристов и учителей, все большее внимание уделяется западным концепциям «культуры», «традиции», «культурной идентичности».

Эти конструкты, восходящие к жестко очерченным статичным концепциям «культуры», заставляют задуматься исследователей культурной истории, интересующихся этническими процессами. Данные устной истории и этноисторических записей показывают, что для южной Кордильеры характерны изменения идентичности, живое общение, а также важные родственные, торговые и ритуальные связи поверх языковых и этнических барьеров, охватывающие обширные территории. В течение столетий все это было здесь скорее нормой, чем исключением. Много способствовала этому и ярко выраженная установка на взаимное приспособление, изучение языков и межъязыковое общение — установка, зарекомендовавшаяся

себя наилучшим образом в сложные моменты прошлого. Поиск возможных решений, которые при исследовании культурной идентичности учитывали бы историю и установки этого региона, и является главной целью моего предварительного исследования.

Библиография

Afable P.O. Kallahan, Kayapa Proper // *Philippine Minor Languages: Word Lists and Phonologies* / Edited by L.A. Reid. Honolulu: University of Hawaii Press, 1971, P. 22 and passim.

Afable P.O. Mortuary Ritual among the Ibaluy (Philippines) // *Asian Folklore Studies*. 1975. N 34(2). P. 103–126.

Afable, Patricia O. “Language, Culture, and Society in a Kallahan Community, Northern Luzon, Philippines.” Ph.D. dissertation, Yale University, New Haven, Connecticut. 1989.

Afable, Patricia O. Eduardo Masferré’s Subjects: A Century of Self-Representation in the Philippines // *Anales del Museo Nacional de Antropología (Nos/Otros)* 5, pp. 83–108. Madrid: Ministerio de Educación y Cultura. 1998.

Afable, Patricia O. Kalanguya Sung Poetry as a Cultural Resource // *Old Ties and New Solidarities: Studies on Philippine Communities*, ed. by Charles J-H Macdonald and Guillermo M. Pesigan, pp. 24-40. Quezon City: Ateneo de Manila University Press. 2000.

Antolin, Francisco. *Notices of the Pagan Igorots in the Interior of the Island of Luzon.* Introduction, notes, and translation by William H. Scott. Manila: University of Santo Tomás Press. 1988 [1789].

Atos, Marvin D. The Culture of the Karao Tribe // Ed.D dissertation, University of Baguio, Philippines. 1982.

Barrows, David P. Exploration of the Cordillera of Luzon // Unpublished field notes, Bancroft Library, University of California, Berkeley, CA. 1901–1908.

Barton, Roy Franklin. The Religion of the Ifugaos. (American Anthropological Association Memoir, No. 65). Menasha, WI. 1946.

Beyer, H. Otley. Population of the Philippine Islands in 1916. Manila: Philippine Education Company. 1917.

Blumentritt, Ferdinand. Versuch einer Ethnographie der Philippinen. Gotha: Justus Perthes. 1882.

Blumentritt, Ferdinand. List of the Native Tribes of the Philippines and of the Languages Spoken by Them // (Translation, introduction, and notes by Otis T. Mason.) Annual Report of the Smithsonian Institution for 1899. Washington: Government Printing Office. 1901.

Brainard, Sherri. Voice and ergativity in Karao. Ph.D. thesis. University of Oregon. 1994.

Census of the non-Christian Tribes of the Province of Nueva Vizcaya. Beyer Filipiniana, Set 14, Vol. 16. Paper 150. [Harvard University Library]. 1903.

Claerhoudt, Alfonso. The Songs of a People. Baguio: Catholic School Press. 1966.

Conklin, Harold C. Ethnographic Atlas of Ifugao: A Study of Environment, Culture, and Society in Northern Luzon. New Haven and London: Yale University Press. 1980.

Dulawan, Lourdes. Personal communication. Kiangan, Ifugao. 2000.

Fox, Robert and E. B. Flory, compilers. 1974. The Filipino People: Cultural and Linguistic Map of the Philippines. Manila: National Museum of the Philippines.

<http://www.ethnologue.com>

Kalanguyas Plan Tinoc Gathering // Baguio Midland Courier February 9, 1997.

Keesing, Felix M. The Ethnohistory of Northern Luzon. Stanford: Stanford University Press. 1962.

Lambrecht, Francis. The *Hudhud* of Dinulawan and Bugan at Gonhadan 4 pts. // *Saint Louis Quarterly* 5.3-4:267-713. Baguio City. 1967.

Lewis, Martin. Wagering the Land: Ritual, Capital, and Environmental Degradation in the Cordillera of Northern Luzon, 1900–1986. Berkeley: University of California Press. 1992.

Lincoln, Peter C. Dual-lingualism: Passive Bilingualism in Action // *Te Reo* 22(23):65-72. Auckland. 1979.

Moss, Claude R. Nabaloi Law and Ritual // *University of California Publications in American Archaeology and Ethnology* 15 (3), pp. 207-342. Berkeley. 1920.

Peralta, Jesus. 1977. The I'wak // *Filipino Heritage*, edited by A.R. Roces, et al. Vol 1, pp. 162–168. Manila: Lahing Pilipino Publishing House.

Perez, Angel. 1904. Relaciones augustinianas de las razas del norte de Luzon. Manila: Bureau of Printing.

Pisón, Domingo M. and Paulino G. Franco. n.d. [ca. 1895-1896]. Atlas geográfico de las islas de Luzon y adyacentes. 34 maps. Manila: Chofre y Compañía.

Reid, Lawrence A. 1979. Towards a Reconstruction of the Pronominal Systems of Proto-Cordilleran, Philippines // *Pacific Linguistics, Series C*, No. 45, pp. 259–275. Canberra.

Resurreccion, Babette. 2000. The Social Construction of Ethnic Names // *Old Ties and New Solidarities: Studies on Philippine*

Communities, ed. by Charles J-H Macdonald and Guillermo M. Pesigan, pp. 41-52. Quezon City: Ateneo de Manila University Press.

Rice, Delbert. 1974. Integration of the Ikalahan // M.A. thesis, Silliman University, Dumaguete, Philippines.

Scott, William Henry. 1974. The Discovery of the Igorots. Quezon City: New Day Publishers

Ya Ehel ni Meknengan 1. 1973. (The Word of God 1). St. John; I, II Thessalonians; Titus; Philemon; I, II Peter in Antipolo Ifugao. Manila: Scriptures Unlimited.

Перевод с английского М.В. Станюкович